

Е.В. Петрухина (Москва, МГУ)

Роль языковой системы
в формировании аспектуальной семантики глаголов

Проведенное нами исследование вида и способов действия в русском и некоторых других славянских языках [Петрухина 1997] выявило не только существенные сходства, но и различия между этими языками в аспектуальной категоризации онтологически идентичных действий и их параметров, определяющие различия в употреблении видов и семантике глагольных форм. В данной статье рассмотрим такие расхождения между русским и западнославянскими языками в семантике сходных дериватов, которые обусловлены не только спецификой значения базового глагола или словообразовательного форманта, но и отношениями в аспектуальных и деривационных системах этих языков в целом.

Как известно, невозможность употребления в конкретно-процессном значении глаголов НСВ может определяться их лексической семантикой, отражающей характер обозначаемого действия в реальности. Еще в 1948г. Ю.С.Маслов показал, что такая неполнота функций глаголов НСВ связана с обозначением действий, совершаемых в один прием и неразложимых на составные части (например, *разбиваться*), а также с выражением «скачкообразного», «точечного перехода к новому качеству» (ср. *находить*) [Маслов 1948]. Ю.Д.Апресян расширил класс «моментальных» глаголов, несовместимых с процессным или актуально-длительным значением, выделив в нем десять групп [Апресян 1988/1995]. Моментальные глаголы выражают скачкообразный «переход к результирующему положению вещей», мгновенное возникновение результата, который не накапливается постепенно. Хотя в семантике глагола может отражаться подготовительная фаза действия, она не равна самому действию, поэтому, являясь, слабым элементом значения, при толковании представлена не в ассерции, а в экспозиции [Апресян 1995: 236-237],

например, подготовительной фазой действия *найти* является *искать*, *износить* – *носить*.

Мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что в русском языке имеется еще одна довольно большая, не отмеченная Ю.Д.Апресьяном, группа глаголов НСВ, которые отвечают основным функциональным критериям выделения моментальных глаголов, то есть не употребляются в процессном и актуально-длительном значениях, не сочетаются с обстоятельствами длительности типа *все еще*, *долго*, а также с фазовыми глаголами (при обозначении единичного действия). При этом сам характер обозначаемых действий в реальности или его представление, отраженное в семантике соотносительных по виду глаголов, вроде бы не создает предпосылок для языковых проявлений моментальности. Имеются в виду прежде всего вторичные имперфективы, входящие в видовые тройки, типа *съесть*, *прочитывать*, *вырастать*. От канонических моментальных глаголов они отличаются возможной сочетаемостью (при обозначении повторяющихся ситуаций и в настоящем историческом) с инклюзивными обстоятельствами времени типа *за несколько минут*, *за год*, способностью развивать потенциальное значение (ср. *За минуту она прочитывает три - четыре страницы* и под.), несклонностью к общефактическому значению. Кроме того, соотносительные глаголы СВ (*съесть*, *прочитать*) являются каноническими предельными (терминативными) глаголами («исполнениями», по З.Вендлеру [Vendler 1967]), отражающими в своей семантике постепенное накопление результата. Поэтому непроецессуальность русских вторичных имперфективов типа *съе`дать* (а также болгарских типа *направям* – **сделывать*) не обусловлена характером протекания во времени обозначаемого действия. По нашему мнению, непроецессуальность этих глаголов определяется общими закономерностями употребления видов, образования вторичных имперфективов и особенностями категориального значения НСВ в данных языках. Иными словами, специфическая интерпретация обозначаемого действия, отраженная в семантике рассматриваемых дериватов, задается аспектуальной системой. Соответственно, группа

непроцессуальных вторичных имперфективов не является славянской универсалией. Рассмотрим данный вопрос в сопоставительном аспекте на материале русского и западнославянских языков.

Сопоставительное исследование вторичных имперфективов в русском и чешском языках показало следующее. Русской видовой тройке в чешском языке соответствует тройная корреляция (бесприставочный глагол НСВ – приставочный глагол СВ – приставочный глагол НСВ) в том случае, если вторичный глагол НСВ в русском языке может выступать с конкретным процессуальным значением, то есть первичный и вторичный глаголы НСВ синонимичны. Префикс в этом случае имеет, как правило, конкретное лексическое значение, совпадающее с одной из сем мотивирующего глагола. Данное явление рассматривается в чешской лингвистике как субсумпция (subsumpcie) [Poldauf 1954a: 49–65; Kopečný 1962: 91; Skoumalová 1963, 1968: 154–155; Komárek 1984]. Ср.: *сушить – просушить – просушивать: Весь груз наш промок, что вынудило нас раньше времени стать на бивак и **просушивать** (ср. *сушить*) на огне всю одежду* (Арсеньев, БАС); чеш. *sušit – vysušit – vysoušet, vysušovat: **Vysoušeli** (ср. **vysušovali** / *sušili*) vlhké obilí, Slunce **vysušovalo** rosu* (Они сушили влажные колосья. Солнце осушало росу); *клянчить – выклянчить – выклянчивать: Он клянчит / **выклянчивает** у него деньги*; чеш. *škemrat – vyškemrat – vyškemrávat: Škemrá / **vyškemrává** na něm peníze*; *делить – разделить – разделять; чеш. dělit – rozdělit – rozdělovat. Образование вторичных имперфективов, способных иметь процессуальное значение, в обоих языках в ряде случаев возможно и при неконкретном значении приставки, например: зреть – созреть – созревать, чеш. zrát – uzrát – uzrávat; жечь – сжечь – сжигать: Она жгла / **сжигала** старые бумаги; чеш. pálit – spálit – spalovat: Pálila / **spalovala** starou korespondenci.*

Между русским и чешским языками в данной области имеются и существенные различия: в чешском языке, в отличие от русского, практически нет непроцессуальных вторичных имперфективов, то есть глагол НСВ с результативной приставкой, лишенной конкретного лексического значения, или во-

обще не образуется, или может развивать процессуальное значение. Ср. видовые тройки в русском и отсутствие (или неупотребительность при теоретической возможности образования) вторичного имперфектива в чешском языке:

учить (стихи) – выучить – выучивать	<i>učit se – naučit se – ∅</i>
есть – съестъ – съедать	<i>jíst – sníst – ∅</i>
гнуть – сгнуть – сгнивать	<i>hnít – shnít – ∅</i>
лечить – вылечить – вылечивать	<i>lécit – vylécit – ∅</i>
строить – выстроить – выстраивать	<i>stavět – vystavět – ∅</i>
читать – прочесть – прочитывать	<i>číst – přečíst – *přečítat</i>

Приведенные и подобные им примеры подтверждают бóльшую активность вторичных имперфективов в русском языке, чем в чешском. Однако соотношение процессов вторичной имперфективации в сопоставляемых языках неоднозначно. Имеются и такие примеры, когда вторичный имперфектив возможен в чешском языке, но не образуется в русском (в основном это касается глаголов с приставкой *по-*). Подчеркнем, что в этом случае вторичный имперфектив в чешском языке свободно развивает процессуальное значение и может конкурировать с первичным глаголом НСВ при обозначении конкретного процесса: *стелить – постелить, stlát – ustlat – ustýlat: Ustýlá / stela si na podlaze (Она стелет себе на полу); мыть (машину) – помыть, mýt (auto) – umýt – umývat: Co ted' dělá? – Umývá auto (Что он делает? – Моет машину); чувствовать – почувствовать, cítit – pocítit – pocít'ovat: Zimu jsem nepocít'oval / necítil (Холод я не чувствовал); мешать – помешать, rušit – vyrušit – vyrušovat: Sestra mě dnes stále ruší / vyrušuje (Сестра мне сегодня все время мешает); строить (микрорайон) – построить, budovat (sidliště) –*

*vybudovat – vybudovávat.*¹

¹ Картина соотношения первичных и вторичных имперфективов в русском и чешском языках осложняется тем, что и в том и другом языке часто наблюдается утрата первичного бесприставочного глагола. Ср.: *готовить (что-то) – приготовить – приготавливать, připravit – připravovat; солить (рыбу) – засолить – засаливать, zsolovat (ryby) – zsolit; наполнить – наполнять, plnit – naplnit – naplňovat.*

Какие же отношения в аспектуальной системе определяют наличие или отсутствие в языке непроцессуальных вторичных имперфективов?

Образование и семантика вторичных имперфективов системно связаны со степенью функциональной активности СВ и НСВ. В чешском и словацком языках, как известно, большой функциональной активностью характеризуется СВ, широко употребляющийся в тех типах контекста, где в русском и болгарском господствует НСВ, – в настоящем историческом, при обозначении кратных действий, в конструкциях с отрицанием. В чешском языке в названных типах контекста возможно употребление обоих видов, то есть нейтрализация видовой противопоставления, в отличие от русского языка, носит не обязательный, а факультативный характер. Поэтому на фоне возможного СВ удельный вес употреблений НСВ в процессном значении (либо с актуализацией процессуального восприятия действия) в чешском языке выше, чем в русском и болгарском языках², в которых НСВ, в силу большей обязательности его употребления в данных типах контекста, выступает как аспектуально нейтральный член видовой оппозиции [Петрухина 1998]. Другое следствие функциональной активности СВ в чешском языке – более узкие, чем в русском языке, границы вторичной имперфективации.

Способность вторичных имперфективов иметь конкретно-процессное значение в чешском языке распространяется и на глаголы со значением прибытия (с префиксом *při-*), которые в русском языке названы Ю.Д.Апресяном «каноническим классом моментальных глаголов» [Апресян 1988], а также на глаголы с префиксом *do-*, выражающими достижение какой-либо точки в пространстве. Глаголы типа *приходить* – *přicházet*, *доходить* – *docházet*, если принимать синтагматическую мотивацию [Черепанов 1974], когда мотивирующей базой считается простой глагол с заполненными обязательными валентностями, входят в функциональные видовые тройки типа *идти (в школу) – прийти – приходить*, *йт (do školy) – přijít – přicházet*.

Достижение пространственного предела в комплексе с обозначением характера движения по-русски не может быть представлено как процесс, тогда как в чешском и словацком языках подобные глаголы свободно развивают процессуальное значение, ср.: *Přicházím abych se rozloučil* – Я пришел (букв.: прихожу) проститься; *Štěně pomalu přilézalo na slunce* – Щенок медленно выползал (букв.: приползал) на солнце; *Vlak právě přijížděl do stanice* – Поезд как раз подъезжал к станции (букв.: приезжал на станцию); *Vidím, jak přichází první návštěvník* – Я вижу, как приходит первый посетитель; *Když jim vysvětlil, že přichází pro křečka... vyjasnily se tváře manželů* (Hašek) – Когда он объяснил им, что пришел (букв.: приходит) за хомяком... лица супругов прояснились. Такое употребление глаголов прибытия в чешском языке, соответствующее общесистемным закономерностям, поддерживается многозначностью приставки *při-*, которая может иметь также значение 'под-', например: *Závodníci přibíhají k cíli* – Участники соревнования **подбегают** к цели; *Protože přijížděla právě její tramvaj, rozloučila se s panem Habáskem slovy «na shledanou»* (Poláček) – Потому что как раз **подъезжал** ее трамвай, она простилась с паном Габасеком... Аналогичны закономерности употребления в чешском языке глаголов движения НСВ с приставкой *do-*: глаголы типа *dobíhat do cíle* не имеют каких-либо ограничений в употреблении с конкретно-процессным значением.

Словацкий язык в данной области проявляет заметное сходство с чешским языком [Исаченко 1960; Morfológia 1984]. В словацком языке, так же как и в чешском, вторичные имперфективы не образуются от глаголов СВ с результативными приставками типа *zjest', naučiť sa, vyliečiť* и под., а вторичные имперфективы от глаголов движения с приставками *pri-* и *do-* свободно развивают процессуальное значение, ср.: *Zástup prichádzal smerom k nim* – Толпа **приближалась** (букв. приходила по направлению к ним); *Matka prinášala v lavóre zarezanú sliedku* (Rozprávky) – Мать **вносила** (букв. приносила) в тазу

---

² Актуализация процессуального восприятия действия при употреблении глаголов НСВ в условиях факкультативной нейтрализации видового противопоставления была выявлена при обследовании большого

зарезанную курицу. Ср. также словацкие предложения, эквивалентные приведенным выше чешским: *Prichádza sa rozlúčiť*; *Šteniatko pomaly prichádzalo na slnko*; *Vlak práve prichádzal do stanice*.

Польский язык с точки зрения активности СВ и НСВ занимает промежуточное положение между русским и чешским языками, так как СВ здесь более активен, чем в русском языке, в частности при обозначении повторяющихся действий, и менее активен, чем в чешском (но границы вторичной имперфективации в польском языке тем не менее шире, чем в русском). Что касается семантики польских вторичных имперфективов, то и в этой области польский язык занимает как бы промежуточное положение между русским и чешским (и словацким) языками, хотя, конечно, данный вопрос требует специального и более подробного исследования. Например, вторичные имперфективы с приставкой *do-*, образованные от глаголов движения, в отличие от русского языка, могут в польском языке развивать, как и соответствующие глаголы в чешском языке, конкретно–процессное значение. В польском языке возможно предложение *Gdy dochodził do domu, krzyknął* (букв. *Когда он доходил до дома, крикнул). Сходство с русским языком наблюдается при анализе продуктивной группы глаголов достижения с приставкой *przy-* со значением прибытия в конечную точку движения. В польском, как и в русском, такие глаголы не могут обозначать единичный процесс в срединной фазе его протекания. Предложение **Gdy przychodził do domu, krzyknął* (букв. Когда он приходил в дом, то крикнул) невозможны [Śmiech 1973].

Таким образом, способность / неспособность глаголов прибытия к процессуальным типам употребления взаимосвязана с общими закономерностями функционирования видов, видообразования, характера нейтрализации видовой оппозиции.

Приведем другой пример влияния аспектуальных системных отношений на формирование семантики конкретных глаголов. Сходные болгарский и русский дериваты *отишумя* и *отишуметь* проявляют некоторые различия в се-

мантике, впервые отмеченные Св.Иванчевым [Иванчев 1971], которые отражают разное представление протекания этого действия во времени, что обусловлено закономерностями образования вторичных имперфективов. Русский глагол *отшуметь* выражает гомогенное действие с эксплицитно выраженной конечной временной границей. Болгарский глагол обладает семантической двойственностью: выражает не только финитивную модификацию, но и восприятие действия как терминативного (то есть как гетерогенного с внутренним пределом). Такая трактовка его семантики обусловлена тем, что в болгарском языке имеется дериват *отшумява*, обозначающий постепенное прекращение процесса. Ср.: *Отшумя юбилейната година (Юбилейный год отшумел) / Отшумява юбилейната година* (пример Св. Иванчева) – *Затиха-ет шум юбилейного года* (букв. *отшумевает юбилейный год*).

И в заключение на материале русского и чешского языков рассмотрим своеобразный параллелизм между категоризацией предметов и динамических ситуаций, в котором проявляется влияние системных отношений на формирование семантики отдельных словообразовательных моделей. Аналогии между именной и глагольной категоризацией предметов и явлений посвящен целый ряд статей [Talmy 1988; Vikner 1994; Мелиг 1995]. Как представляется, эту тему можно продолжить. Материал по крайней мере некоторых славянских языков, в частности чешского, позволяет говорить о связи ряда акциональных модификаций с определенными тенденциями, сложившимися не только в глагольной, но и именной словообразовательной системе. Речь пойдет о **деминутивности** в чешском языке.

Для чешского языка характерно широкое использование деминутивных именных дериватов, как с ярко выраженной, так и стертой оценочной семантикой. Деминутивы могут утрачивать оценочное значение, особенно по отношению к предметам, объективно небольших размеров типа *ukazovaček* (*указательный палец*), *hruška* (*груша*), *sedátko* (*сидение*), причем нейтральные мотивирующие лексемы могут 1) сосуществовать в том же значении с деминутивами (*ukazovák, sedadlo*), 2) приобретать стилистическую окраску книж-

ности (*hruše*). В результате такой конкуренции деминутив и мотивирующее имя могут разойтись по семантике, например: *most* (мост) – *můstek* (трамплин), *bouře* (буря) – *bouřka* (гроза), *kohout* (петух) – *kohoutek* (кран) [Нещищенко 1963]. С точки же зрения восприятия и обозначения конкретных предметов важно отметить, что в чешском языке деминутивы (типа *doměk* – домик, *pokojíček* – комнатка) более последовательно, чем в русском, употребляются по отношению к небольшим по размерам предметам. Чаще, чем в русском, деминутивы в чешском используются с оценочным значением, как уменьшительно-ласкательные имена. В следующих примерах чешским деминутивам в русских переводных предложениях в большей степени соответствуют непроизводные существительные: *A všichni si sáhli do kádě a odnášeli si několik našich kapříků* (Кlíma) – *Все залезли рукой в бочку и унесли (букв. уносили) по несколько наших карпов* (букв. карпиков). *Pětasedmdestiletý Jenšík miluje sluničko* (MFD) – *Семидесятипятилетний Еншик любит солнце* (букв. солнышко).

Сопоставление русских художественных текстов и их литературных переводов на чешский язык показывает, что довольно часто русские нейтральные существительные, обозначающие предметы небольших размеров, на чешский язык переводятся деминутивами (при наличии соответствующих непроизводных имен). Ср.: «*Слушать вы меня будете плохо... – сказала начальница и, потянув нитку и завертев на лакированном полу клубок... подняла глаза – «Poslouchat mě moc pozorně nebudete...» řekla ředitelka, napjala nitku, roztočila na nalakované podlaze klubičko... a zvedla oči; Каждое воскресенье, после обеда, по Соборной улице, ведущей к выезду из города, направляется маленькая женщина в трауре, в черных лайковых перчатках... – Každou neděli po mši Kostelní ulicí, která vede na okraj města, kráčí malá žena ve smutku, v černých glazé rukavičkách... Этот венок, этот бугор, дубовый крест! – Ten věnec, ten růvek* (букв. могилка), *ten dubový kříž*; (И.Бунин «Легкое дыхание», přel. J.Zábrana // Čítanka ruské literatury).

Тенденция к деминутивности, на наш взгляд, в чешском языке характерна не только для именного, но и для глагольного словообразования. Как глагольные деминутивы рассматриваем, помимо делимитативов с приставками *po-*, *ro-*, которые есть во всех славянских языках, также квантовые словообразовательные модификации типа *zakřičet* (имеющиеся во всех западнославянских языках) и *zazpívat si* (характерные прежде всего для чешского и словацкого языков).

Славянским делимитативам посвящена обширная литература, которая анализируется в [Петрухина 1997]. Отнести ограничительные модификации с приставками *po-*, *ro-* к деминутивным производным позволяет тот факт, что наиболее типичным случаем употребления делимитативов является выражение оценки действия как непродолжительного при положительном к нему отношении. Ср.: *Přijďte chvíli **posedět** a **popovídat si** – Приходите: **посидим, поговорим**; *Všecko je třeba (chvíli) **povařit** – Все нужно (немного) **поварить**; *Popovídali si o denních starostech – Они **немного поговорили** о повседневных делах.***

Типично также использование делимитативов при положительном отношении говорящего или производителя к ограниченному действию при невыраженной оценке его продолжительности, например: *Я бы на вашем месте послал туда **посторожить**... Ну, хоть Колю пошлите. Он с удовольствием **пошпионит** (Достоевский, БАС); *При хороших цифрах можно было и **побездельничать, и похалтурить, и ночь погулять** (Солженицын).**

В чешском языке, как и в русском, выражение делимитативами кратковременности действия может обуславливать его восприятие как незначительного. Ср. русское предложение и его чешский перевод: *Он даже и не думал, что имеет дело с криминалом. Его просто попросили **поохранять** человека в квартире, пообещав хорошо заплатить (МК 18.02.1995) – ...*Prostě ho požádali, aby jim (trochu) **pohlídal** nějakého člověka v bytě... (инф.)*³.*

---

³ Чешские собственно делимитативы могут выражать и продолжительное действие, соответствуя русским пердуративам. Ср. *Poseděli jsme u našich známých tři hodiny – Мы посидели (букв. посидели) у наших знако-*

Вообще же русским делимитативам в чешском языке соответствует целый ряд дериватов с формантами *po-*, *po- + si*, *za- + si* [Петрухина 1997]. С высокой степенью эквивалентности всю гамму рационально-количественных и прагматических оценок русских делимитативов в чешском и словацком языках передают квантово-прагматические дериваты *za- + si*, о которых речь пойдет ниже.

Употребительные дериваты с приставкой *za-*, которые мы также относим к деминутивным образованиям, обозначают цельный квант действия, ограниченный начальным и конечным пределом. По отношению к данным невозвратным дериватам (без форманта *si*) в чешской лингвистике используется термин «манифестация действия», под которым понимается проявление действия в течение некоторого непродолжительного времени [Skoumalová 1968: 213; 1979: 249]. Квантовую семантику соответствующих дериватов, по нашему мнению, достаточно адекватно передает понятие временного «промежутка сознательного внимания» [Chafe 1973], в который укладывается то или иное наблюдаемое действие независимо от его реальной продолжительности. Аналогичные дериваты широко представлены также в словацком и польском языках. По-русски достаточно точно значение таких дериватов можно передать при помощи глаголов с префиксом *про-*, образующихся лишь от базовых глаголов звучания, типа *прокричать*, *прошуметь*.

В некоторых случаях носителю русского языка трудно даже представить квантовое восприятие какого-либо действия, которое в западнославянских языках передается дериватами с приставкой *za-*, особенно если речь идет не о кратковременной ситуации, а о длительном процессе. Например, чешское предложение *Komáři se zahemžili nad bažinou* достаточно сложно адекватно перевести на русский язык. По-русски та же самая ситуация обозначается с фиксацией начального момента длительного действия: *Комары зароились*

мых три часа; Lékař tam pobyl několik hodin – Врач пробыл (букв. там побыл) несколько часов; Jurka pobyl u Kičerů přes léto – Юрка пробыл (букв. побыл) у Кучеров все лето.

(*закружились*) над болотом, по-чешски же – через ее кратковременное восприятие (букв. **прокружились, пророились*).

В дериватах *za-* + *si* приятная для производителя деятельность (на что указывает медиальный формант *si*) независимо от объективной продолжительности представлена как единый квант. Этим они отличаются от дериватов *po-* + *si*, которые, выражая “ограниченность во времени” действия [Исаченко 1960: 237], дают также информацию о его продолжительности и легко сочетаются с обстоятельственными показателями, которые ее характеризуют. При этом количественная оценка действия, выражаемая глаголами *po-* + *si*, зависит от контекста: действие может определяться и как продолжительное, и как непродолжительное, главное, что конкретная его мера в большинстве случаев воспринимается как **оптимальная**. То, что глаголы *po-* + *si* не выражают постоянную количественную характеристику действия, подтверждается свободной сочетаемостью этих дериватов с адverbиальными показателями небольшой / большой продолжительности действия. Ср.: *Dnes jsme si trochu / pořádně pobesedovali* – Сегодня мы **немного / основательно побеседовали**; *Když se na plátně sejdou zvíře, dítě a zakázaná láska, bylo by hříchem si pořádně nepoplakat* (MFD 27.07.98)– Когда на экране сходятся вместе животное, ребенок и запретная любовь, было бы грех как следует **не плакать**.

Сочетание с обстоятельствами длительности типа *hodinu, dlouho* (час, долго) для глаголов, образованных по модели *za-* + *si*, менее характерно, чем для делимитативов. Такая сочетаемость у квантово-прагматических модификаций более вероятна при (1) наличии в предложении отрицания или (2) явно выраженной последовательности действий, например: (1) *Ten si moc dlouho nezaúřadoval (nezaučil, nezařediteloval)* – Долго он здесь **не проработал** (букв. не проработал чиновником, преподавателем, директором); *Tak hezky jsem si už dlouho nazalyžovala* – Так хорошо на лыжах я давно **не каталась**, ср. также подразумеваемое отрицание в примере из PSJČ: *V celém roce sotvakdy vybude chvilinka, aby si mohl čtvrt hodinku zalenošit* – В течение целого

года у него и пятнадцати минут не найдется, чтобы **полентяйничать**; (2) *Měsíc si tu zašéfoval a pak odešel* – Он **поруководил** здесь месяц, а потом ушел.

Семантические различия между глаголами *za-* + *si* и *po-* + *si* кратко определены в “Грамматике чешского языка”, изданной в Брно в 1995 г. [Příruční mluvnice češtiny 1995: 213, 216, 430]: дериваты *za-* + *si* выражают удовлетворение действием, а дериваты *po-* + *si* – удовлетворение действием или его мерой. Однако эти различия в переводах на русский язык довольно сложно эксплицировать, ср. *pohrát si / zahrát si: Pohraj si // zahraj si s kamarády* – **Поиграй с друзьями**.

Модель *za-* + *si* в чешском языке является продуктивной, открытой для новых образований. Практически от любого глагола со значением деятельности возможно образование подобных дериватов, причем в этот процесс включаются и новообразования с иноязычной основой: *zabotanzovat si, zaimprovizovat si, zakritizovat si, zamanifestovat si* и др. Особенно легко образуется эта модель от глаголов интеллектуальной, творческой, административной деятельности. Дериваты от глаголов со значением физической деятельности нередко обозначают ее как хобби. Ср.: *zaministrovat si, zaředitelovat si* – 'поработать какое-то время министром, директором'; (*pěkně*) *zaděkanovat si* – речь идет о квантовом и сатисфактивном восприятии деятельности декана; *zatajemničit si* – 'быть охотно какое-то время секретарем'; *zakuchařit si, zazedničit si* – 'поработать поваром, каменщиком, но скорее любительски, с охотой'. Важно подчеркнуть, что длительность, обобщенность деятельности в реальности не противоречат квантово-временной семантике соответствующих дериватов. Они представляют компрессию восприятия времени действия, обусловленную эмоциональным к нему отношением говорящего или производителя, то есть отражают **эмотивное время** деятельности, определяемое ее восприятием как приятной.

Таким образом, в деминутивных глагольных производных с формантами *za-* и *za-* + *si* уменьшительные и оценочные значения разведены по разным

словообразовательным моделям: если дериваты первого типа выражают непродолжительное действие, представляемое как единый квант, без какой-либо его оценки, то дериваты *za-* + *si* относятся к оценочным производным, в семантике которых отражается субъективное, сатисфактивное восприятие деятельности, не зависящее от ее объективной продолжительности. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что деминутивных глагольных производных в чешском языке значительно больше, чем в русском, причем квантово-деминутивное представление ситуации (при помощи дериватов с приставкой *za-*) преобладает и в том случае, когда в русском языке аналогичная ситуация концептуализируется как начинательная (ингрессивная) [Петрухина 1998а]. Деминутивно-оценочное представление деятельности (при помощи словообразовательной модели *za-* + *si*) для чешского языка также более характерно, чем для русского (в котором данной модели функционально соответствуют делимитативы), уже в силу того, что отыменное образование глаголов с названием деятельности типа *ministrovat* в чешском языке более продуктивно, чем в русском, а каждый подобный глагол свободно образует квантово-прагматическую модификацию *za-* + *si*.

Выявленные в результате проведенного исследования некоторые различия между славянскими языками в восприятии идентичных действий и их параметров, закрепленные в семантике соответствующих дериватов, а также в закономерностях употребления видов, могут быть адекватно описаны лишь с учетом места соответствующих глаголов в акциональных и вообще аспектуальных системах этих языков. Не случаен, по нашему мнению, и наблюдаемый параллелизм между именными и глагольными деминутивными производными в чешской словообразовательной системе.

Таким образом, различия в восприятии и категоризации онтологически идентичных действий и их параметров во многом определяются отношениями, сложившимися в аспектуальной и словообразовательной системах отдельных славянских языков.

Использованная литература

- Апресян 1988** – Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. М., 1988.
- Апресян 1995** – Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Иванчев 1971** – Иванчев Св. Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София, 1971.
- Исаченко 1960** – Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. II. Братислава, 1960.
- Маслов 1948** – Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Отдел. лит. и яз. Т.7. Вып.4, 1948.
- Мелиг 1995** – Мелиг Х.Р. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени // Семантика и структура славянского вида. 1. Kraków, 1995.
- Нещименко 1963** – Нещименко Г.П. Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами субъективной оценки в современном чешском языке // Исследования по чешскому языку. М., 1963.
- Петрухина 1997** – Петрухина Е.В. Аспектуальная категоризация действий в русском языке в сопоставлении с некоторыми другими славянскими языками (Вид и фазисно-временные способы глагольного действия). ДД. М., 1997.
- Петрухина 1998а** – Петрухина Е.В. Грамматическая и лексическая категоризация действий и их параметров в славянских языках (сопоставительное исследование русского, западнославянских и болгарского языков) // Научные труды филолог. фак-та МГУ. Вып.3. М., 1998.
- Петрухина 1998б** – Петрухина Е.В. Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков) // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Chafe 1973** – Chafe W. Language and memory // Language. Vol. 49, 1973.
- Čítanka ruské literatury. I. Stará a klasická literatura. Praha, 1983.**
- Komárek 1984** – Komárek M. Prefixace a slovesný vid (k prefixům prostě vidovým a subsumpci) // Slovo a slovesnost. 1984. R.45.
- Копеčný 1962** – Копеčný F. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962.
- Morfológia 1984** – Oravec J., Bajžíková E., Furdík J. Súčasný slovenský spisovný jazyk. Morfológia. Bratislava, 1984.
- Poldauf 1954а** – Poldauf I. Podíl mluvnice a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu // Studie a práce lingvistické. Praha, 1954.
- Пříruční mluvnice češtiny** – Příruční mluvnice češtiny. Brno–Praha, 1995.
- Skoumalová 1963** – Skoumalová Z. K metodice lexikálního rozboru prefixovaných sloves. Československá rusistika 1963. VIII, № 2.
- Skoumalová 1968** – Skoumalová Z. O komplexní analýze verbální prefixace // Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české III. Praha, 1968.
- Skoumalová 1979** – Skoumalová Z. Категория способов глагольного действия. Глагольное образование // Русская грамматика. I. Praha, 1979.
- Šmiech 1973** – Šmiech W. O wielokrotności czasowników zależnej od określenia granicy akcji // Łódzkie Towarzystwo Naukowe. 1973. XXVIII, № 2.
- Talmy 1988** – Talmy L. The relation of grammar to cognition // Current issues in linguistic theory, 50. Topics in cognitive linguistics. Edited by B.Rudzka – Ostry, 1988.
- Vendler 1967** – Vendler Z. Verbs and times // Linguistics in philosophy, Ithaca (N.-Y.), 1967.
- Vikner 1994** – Vikner C. Change in homogeneity in verbal and nominal reference // Tense, aspect and action to language typology. N.-Y., 1994.

Использованные сокращения

БАС – Словарь современного русского языка. Т.1-17. М., 1948–1965.

MFD – Mladá fronta dnes.

PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. D.1-9. Praha, 1935–1957;